

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-8-14

УДК 911.3

«АКСИОМЫ» ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КАК ПРЕДМЕТ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ

Рагулина М.В.

Работа посвящена теоретическому осмыслению общих принципов исследования культурного ландшафта. В англоязычной культурной географии такие принципы получили название «аксиом», они широко дискутируются на протяжении последних трех десятилетий. Анализ полемики, сконцентрированный на результативности применения гуманистических и политико-экономических «аксиом» прочтения культурного ландшафта, позволил сделать вывод о принципиальном различии их исследовательских сфер, нередуцируемости друг к другу и высокой ценности каждого подхода в собственном исследовательском контексте. Отечественная культурная география нуждается в ассимиляции интеробъективных и интересубъективных подходов к культурному ландшафту, представленных в мировой науке, для выработки собственной теоретической платформы. Показана необходимость расширения предметного поля общественно-географических направлений для доработки «аксиом» исследования культурного ландшафта, и ввода новых положений, учитывающих динамизм развития общества и территории. Предложены пути объединения теоретически контрастных принципов исследования в скоординированный методический интерфейс. Обоснована целесообразность включения неомарксистских и гуманистически-географических подходов в изучение культурного ландшафта современной России.

Ключевые слова: культурный ландшафт; интегральная теория; гуманистическая география; политико-экономический подход; эстетика; культура; производство; циркуляция капитала.

«AXIOMS» FOR RESEARCH THE CULTURAL LANDSCAPE AS A SUBJECT OF GEOGRAPHICAL POLEMIC

Ragulina M.V.

The paper is devoted to the theoretical understanding of the general principles of cultural landscape studies. In the English-speaking cultural geography such principles are called «axioms», they widely discussed over the past three decades. Analysis of the discussion, focusing on the impact of the application of the humanistic and neo-Marxist «axioms» for reading of the cultural landscape, allowed concluding that there are the fundamental differences of their research areas, the irreducibility of each other and the high value of each approach in the context of their own research. Russian cultural geography needs to assimilate the interobjective and intersubjective approaches to cultural landscapes represented in the foreign science, and to develop their own theoretical platform. The necessity of expanding the sphere of socio-geographical research areas for improvements «axioms» for reading the cultural landscape, and the introduction of new principles, that take into account the dynamism of society and territory. The ways of combining theoretically contrasting principles of research are proposed. The study proved, that the synthesis neo-Marxist and humanistic-geographical approaches to the study of the cultural landscape of modern Russia will be very fruitful perspective.

Keywords: *cultural landscape; integral theory; humanistic geography; political economic approach; aesthetics; culture; production; circulation of capital.*

Введение: принципы исследования

Культурный ландшафт (КЛ), как географическая категория, сложен и многогранен. Его трактовка включает упорядоченность элементов материального мира на земной поверхности, «отпечатки» ценностей и деятельности, воплощенные политические, экономические и эстетические явления и процессы [4]. Почти все направления социальной теории могут быть «приземлены» и позиционированы в концепции КЛ. Согласно К. Уилберу [21], каждый феномен, событие, процесс имеют четыре несводимых друг к другу, взаимно дополнительных грани, которые отражают его значение в личностном опыте, специфику групповой интерпретации, объективные характеристики, место и роль в интеробъектной системе.

Четыре соответствующие сферы КЛ обладают равной значимостью, ни одну из них нельзя игнорировать, если мы хотим получить полную картину. Вместе с тем каждая из названных граней может существовать лишь в контексте трех остальных, и из этого правила не существует исключений. К примеру, объектный мир КЛ – результат действия социально-экономических сил, экосистемных процессов, управленческих решений. Он воплощает мировоззрения, ценности и традиции группы, служит «домом» личностного сознания, аккумулируя психоэмоциональный опыт, жизненный путь, ценности и ментальные карты личности.

Приведенная схема позволяет «локализовать» специфику предмета любого из исследовательских принципов, любой «аксиомы» в соответствии с методологическими приоритетами каждого сектора.

Понятие «аксиома» пришло в культурную географию из точных наук. Впервые примененное географом-гуманистом Пирсом Льюисом (Peirce Lewis) [12] в работе «Аксиомы для чтения ландшафта» («Axioms for Reading the Landscape»), оно оказалось удачным, «прижилось» в науке, а сама работа стала чрезвычайно популярной. Исходя из бесспорного утверждения о том, что все созданные человеком ландшафты обладают культурными значениями, П. Льюис сформулировал и решил проблему поиска основных принципов нахождения этих значений. «Наш ландшафт – невольная автобиография, отражающая наши вкусы, ценности, надежды и даже страхи в видимой, материальной форме»... поэтому «в ландшафте нет секретов» – для тех, кто хочет их найти [12, с. 12-13].

Аксиомы Льюиса – принципы, позволяющие сформулировать «правильные» вопросы, которые необходимо задать исследователю для расшифровки значений КЛ. Операциональный характер делает данную работу ценной для отечественной культурной географии, тем более что русскоязычный читатель с ней пока незнаком.

Термин «аксиома» применяется автором в нестрогом, метафорическом смысле. Согласно Льюису, необходимы правила, которые, подобно правилам грамматики, помогут нам разобраться запутанном синтаксисе. «Я назвал эти правила «аксиомами», потому что теперь они кажутся базовыми и очевидными, как любые аксиомы. ... Назовите их, как хотите, но, тем не менее, это – базовые идеи, лежащие в основе чтения культурного ландшафта Америки [12, с. 15]. Методика Льюиса заключается в обучении «видения» КЛ в буквальном смысле. Здесь следует выделить два аспекта: «видение» относится к восприятию, а «чтение» – к интерпретации значений. Эти процессы взаимосвязаны: согласно Д. Косгроу, ландшафт – не просто мир, который мы видим, но также – создание и композиция этого мира [9].

Конструирование «видения» – процесс, обусловленный идеологией и культурой, социально-экономическими системами и личностным сознанием. Возможно ли непредвзятое «видение» культурного ландшафта, или оно в любом случае будет заслонено культурными фильтрами, присущими исследователю? Можно лишь приблизиться к идеалу непредвзятого видения, но не достичь его полностью [17, 19]. Исследователю-путешественнику помогает несхожесть удаленного культурного мира с его собственным домом, но человеку, пытающемуся «читать» собственный рутинный ландшафт, намного сложнее.

«Аксиомы прочтения ландшафта» П. Льюиса

Подход П. Льюиса иллюстрируют три основные метафоры: КЛ для него – ключ к культуре, невольная автобиография и зеркало общества. Географы, придерживающиеся гуманистического направления, фокусировались на человеке – авторе и интерпретаторе значений. Сила гуманистического подхода – в признании целостности личности как ландшафтного актора, которого побуждают к действию моральный выбор, эстетические предпочтения, мудрость [7, 20]. Гуманистическая география исследует вклад КЛ в формирование идентичности индивида и группы на основе опыта личности, «переживания» человеком своего пространства – дома. При этом ландшафт нужно «читать» как книгу, пользуясь интуицией и воображением. Аксиомы Пирса Льюиса в этом смысле – своеобразный манифест гуманистической географии (рис. 1).

Первая аксиома утверждает, что ландшафт, созданный человеком, обеспечивает убедительные доказательства того, каковы мы есть, были и будем, поскольку культура любого народа непреднамеренно отражается в его ландшафте. Далее автор называет пять следствий аксиомы. Первое следствие, «региональное», исходит из того, что люди не изменяют ландшафт, если не находятся под сильным давлением обстоятельств, поэтому существенное изменение ландшафта сигнализирует о серьезных изменениях культуры сообщества, произошедших в это же время. Следствие «культурного изменения» означает, что если одна часть страны, города или региона существенно отличается от другой обликом КЛ, то и культуры этих мест также имеют глубокие различия. Третье следствие, «конвергенции» подчеркивает обратный процесс: сходство двух КЛ означает сходство культур их населения. Четвертое следствие, «диффузии» тесно связано с пятым – «вкусов и предпочтений», оба они ориентированы на фиксацию пространственного распространения объектов в КЛ под влиянием подражания, заимствования, моды и личных вкусов человека- потребителя. «Проследить вкусы во времени и пространстве значит многое узнать об американской культуре» [12, с. 18].

Вторая аксиома, культурного единства и равноценности ландшафтов, гласит, что «почти все элементы человеческого ландшафта каким-либо образом отражают культуру,... следовательно, большинство элементов КЛ не более и не менее важны, чем другие, в смысле ключей к культуре» [12, с. 18]. Льюис использует метафору культуры – айсберга с вершинами, которые представляют внешне случайные, отдельные элементы КЛ., но в глубине все они едины.

Третья – аксиома обыденных вещей: «Повседневные ландшафты, – какими бы важными они ни были, иногда трудно изучать с помощью привычных академических средств» [12, с. 19]. Невнимание академической науки к «незначительным» деталям культуры в ландшафте

ведет к тому, что это сторона реальности находится в тени: следовательно, есть «огромный массив фактов, который нужно изучать без эстетических и моральных предубеждений». Примером таких источников могут быть рекламные буклеты, дневники, (а в наше время – блоги и социальные сети), торговые журналы, литература о путешествиях и т.д. Они расскажут, какие образы находят отклик в душе человека, что «следует» видеть туристу и экскурсantu, и как в соответствии с программируемыми ожиданиями, должен быть «вычищен» КЛ.

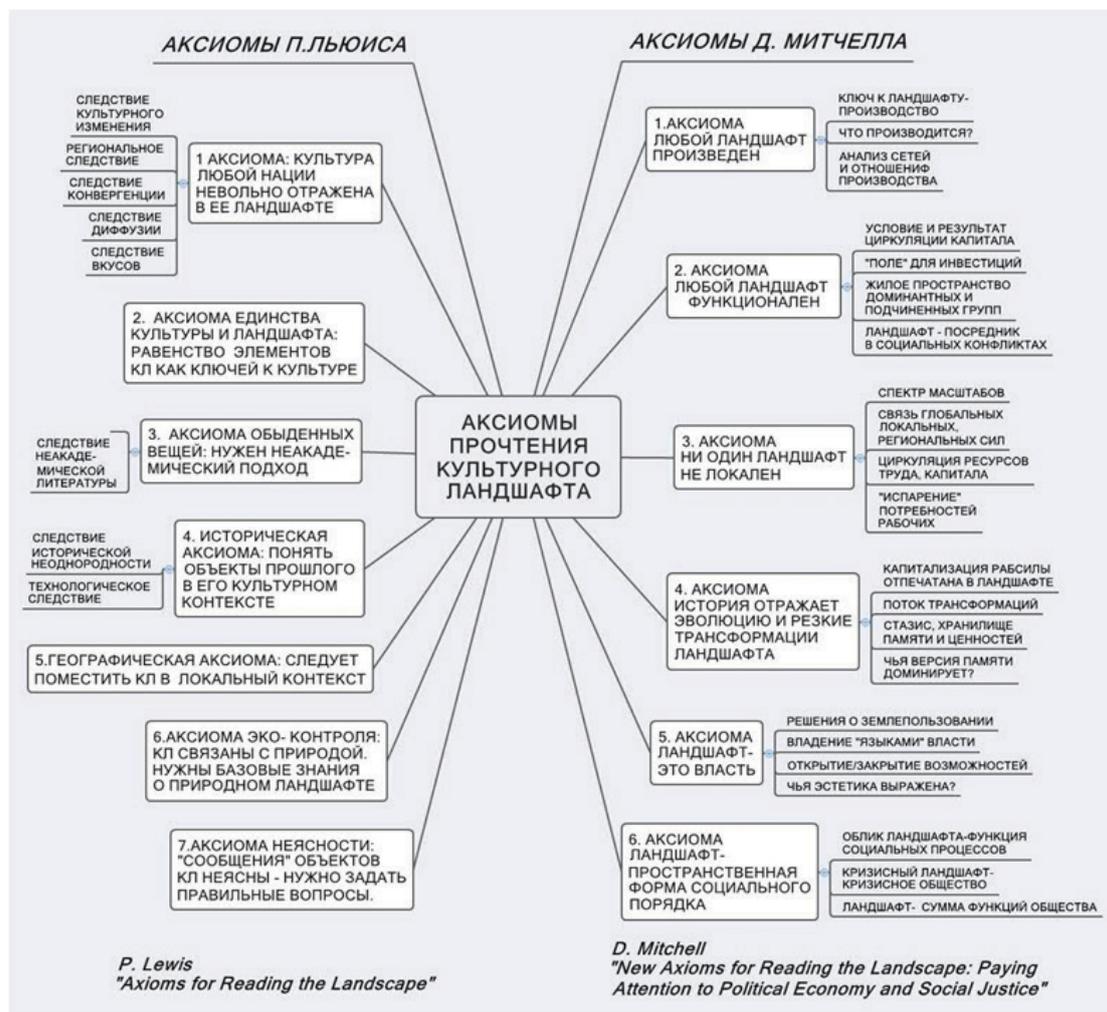

Рис. 1. Гуманистические и неомарксистские аксиомы прочтения культурного ландшафта

Четвертая аксиома – историческая: «В попытках разгадать значения современных ландшафтов и того, что они должны говорить о нас... история имеет значение» [12, с. 22]. Необходимо стремиться понять людей и объекты прошлого в их историческом контексте. Следствие

исторической фрагментарности подчеркивает прерывистый, скачкообразный ход крупных исторических изменений. КЛ, предшествующий скачку, остается, становясь реликтом. Технологическое следствие проясняет значительную роль научно-технических возможностей общества, позволивших создать предметный облик конкретного КЛ, в понимании его эволюции.

Пятая аксиома, географическая, подчеркивает роль локализации КЛ: «элементы КЛ имеют мало культурного смысла, если они помещаются вне своего географического (локального) контекста» [12, с. 24]. Льюис подчеркивает нормативно – организующую роль культуры, которая диктует, что определенные виды деятельности должны происходить только в определенных местах. Подобно эпидемиологу, изучающему поведение микроба в пробирке, и сознающему, что оно может значительно отличаться от того, как будет действовать микроб в организме, географ должен не вырывать даже выдающиеся исторические объекты из ландшафтной среды, а изучать их в тесной связи с локальным контекстом, каким бы неприглядным он ни был.

Шестая аксиома, экологического контроля: «Большинство КЛ изначально связаны с природной средой, поэтому прочтение КЛ предполагает некоторый базис знаний о природном ландшафте» [12, с. 25]. Декларируемая энтузиастами научно-технической революции «победа технологии над географией» – коренное и не всегда оправданное изменение среды, стоит очень дорого не только в смысле материальных затрат, она имеет свою культурную цену.

Седьмая, заключительная аксиома – «ландшафтной неясности»: «Большинство объектов ландшафта, хотя и передают нам свои сообщения, делают это в неявном виде. Ландшафты не говорят с нами ясно и четко» [12, с. 26], поэтому исследователь должен выработать привычку задавать вопросы «почему?», «как это работает?», «когда это появилось», «кто автор этого?» и др.

Льюис считает, что «можно в буквальном смысле обучить себя видеть, чего многие американцы никогда не делали... Сами по себе ни видение, ни чтение не дадут ответа на основные культурные вопросы, которые позиционирует ландшафт. Но чередование видения, чтения, мышления может дать замечательные результаты, если задать те вопросы, которые мы не задавали раньше. И мы сможем увидеть порядок на месте прежнего хаоса» [12, с. 27].

Подход П. Льюиса унаследовал черты берклианской культурной географии: понятие о диффузии культуры, близость к культурно-антропологическим взглядам конфигурационистской школы. Как географ-гуманист, Льюис стремился найти «стык» идентичности и ландшафта с помощью таких приемов, как чистое восприятие и непредубежденное видение, постановка нестандартных вопросов. Для процесса «чтения» ландшафта характерен постоянный рефлексивный диалог – почему это место выглядит именно так, когда эта черта ландшафта появилась, что это значит?

Аксиомы Льюиса не потеряли своей актуальности для исследователя, стремящегося проникнуть вглубь культурных значений КЛ. Льюис исходил из богатой культурно-географической традиции понятия о жизненном цикле КЛ, диффузии признаков культуры, наследовании черт КЛ, пределов деятельности в ландшафте, очерченных его природными характеристиками. Эти взгляды, унаследованные гуманистической географией, восходят к школе ландшафтной морфологии в университете Беркли, США, и ее патриарху, Карлу Зауэру [18]. Создание средств поиска и открытия значений культурных различий в КЛ, где основным объяснительным механизмом становится культура – сущность аксиоматики П. Льюиса.

Полемика: «новые аксиомы» Д. Митчелла

Кризисные явления в экономике, обострение социальных проблем вызвали к жизни реанимацию радикально-географических и неомарксистских географических подходов. В этой ситуации гуманистическое движение в географии не могло дать адекватных ответов на рост болезненных проблем: расового и экономического неравенства, бедности, геттоизации меньшинств, запустения ранее процветавших промышленных районов. «Чтение книги» КЛ и попытка осмыслить его в терминах культурных изменений, эволюционного развития, диффузии артефактов и визуальных отличий регионов не давало исчерпывающих ответов на поставленные самим же Льюисом вопросы: как и почему сформирован именно такой облик ландшафта?

Дон Митчелл предложил иной набор правил интерпретации КЛ на основе политико-экономической парадигмы [14]. Митчелл пытается соединить политэкономия, экономическую географию и учение о культурном ландшафте.

Критика «самоочевидности» аксиом Льюиса, состоит в том, что помимо культурных, КЛ имеет идеологические значения. С середины 1980- гг. в науке складывается традиция рассматривать как материальный КЛ, так и его образ в качестве основного фактора воспроизводства классовых отношений и власти элит [5, 10, 15]. Вопросы, интересующие радикальных и неомарксистских географов, концентрируются на развитии «ландшафтной индустрии», роли КЛ в поддержании власти и отношений между социальными классами и группами.

Визуальные свойства КЛ, несомненно, важны, но они не столько объясняют сущность КЛ, сколько сами нуждаются в объяснении. Поэтому «теория капиталистического ландшафта требует новой теории культуры и теории ландшафтной морфологии, адекватной сложности объектов, которые она намерена описать» [14, с. 31].

Политико-экономическая парадигма адресуется к функциональности КЛ, трактуемой как проявление процессов материального производства и потребления. Концептуализация геогра-

фического пространства на основе теории прибавочной стоимости не нова – она зародилась в эпоху модерна, и отражена в корпусе классических трудов по политэкономии. Но культурная география со времен становления и раннего развития не включала вопросы труда, капитала и классовой борьбы в свою сферу исследования, фокусируясь на визуальной очевидности артефактов (1940–1950-е гг.), значениях в опыте (1960–1970-е гг.), значениях как семиотической категории постструктуралистских исследований.

Поэтому, согласно Д. Митчеллу, новый набор аксиом «чтения» КЛ, остро необходим. В его основе – фокусировка на факторах производства. Новые аксиомы прочтения ландшафта должны заложить фундамент историко-материалистической интерпретации КЛ. Таким образом, в сферу культуры и КЛ вовлекаются процессы циркуляции капитала. Ответы на вопросы «Как сформировался данный КЛ?» и «Почему он выглядит именно так?» предполагают выход за пределы описательной хорологии. подхода.

Включив в свой методический инструментарий «Новые аксиомы», ученый получает возможность диагностировать проблемы современного капитализма, в конкретном КЛ, выявить динамику, как воплощение борьбы конкурирующих сил, и в итоге – ответить на вопрос, что из себя представляет данный КЛ, как он сложился и каковы перспективы его развития.

Аксиома 1 фокусируется на том, что КЛ – результат и процесс материального производства. Он порожден деятельностью и представляет результат волевого действия. Последнее – в большей мере социальное, чем индивидуальное, так как формируется и трансформируется под влиянием противоречивых социальных процессов, к примеру, законами о зонировании, соглашениями об архитектурном и художественном языке, включением в жизнь общества доминантных и исключением репресслируемых этнических, социальных групп – парий. Митчелл настаивает, что создание КЛ – волевой акт, относящийся к антропогенному ландшафту так же, как и к ландшафту в живописи и фотографии. Ключ к пониманию КЛ – в отношениях производства. Если мы хотим понять, чем является ландшафт, что он делает, и почему он выглядит именно так, нужно уделить внимание отношениям производства.

Отношения производства всегда исторически и технологически обусловлены и находятся в состоянии соперничества и борьбы. В капиталистическом обществе индивидуальные и корпоративные собственники имеют свободу упорядочивания КЛ. Митчелл уходит за пределы визуальной очевидности, пытается перенаправить исследовательское внимание на производственные процессы и сети, которые детерминируют КЛ, но нам совершенно не видны. Полемизируя с Льюисом, Митчелл противопоставляет «невольную автобиографию» «волевому действию», «визуальную очевидность КЛ» – невидимым социально-экономическим силам и

процессам. Но «социальное волевое действие» создает материальный облик обыденного, повседневного КЛ, чья процессуальная суть ускользает от сознания его обитателей и большинства исследователей. Здесь может пригодиться понятие «невольной автобиографии», дополняющее выявление функциональности КЛ.

В *аксиоме 2* подчеркивается функциональность КЛ, его главенствующая роль в социальной жизни. КЛ, как пространство инвестиций, обладает потенциальной обменной стоимостью, все аспекты производства и среды вводятся в орбиту циркуляции капитала. Таким образом, КЛ становится материальным условием циркуляции капитала. «В любой момент построенная среда возникает как палимпсест ландшафтов, сформированных согласно требованиям различных способов производства на различных стадиях исторического развития» [20, с. 233, цит. по: 14, с. 35]. Капитал только тогда может течь свободно, когда его часть «заморожена» в рукотворном ландшафте: Здесь присутствует стадильность в марксистском понимании: среда возникает как наслоения ландшафтов, сформированных различными способами производства, приуроченными к конкретным историческим стадиям. Малое внимание, уделяемое сторонниками марксистских теорий личностному сознанию, мировоззрениям и культуре, вызвало справедливую критику в упрощенном понимании социокультурных процессов [8]. Дополнение стадильными подходами к исследованию сознания, например, интегральной спиральной динамикой [6] могут восполнить этот дефицит. В функциональность КЛ входит роль дома: тождество дома и КЛ, краеугольное для гуманистической географии и подразумевающее наполненность экзистенциальным смыслом, неомарксист Митчелл трактует прежде всего с позиции воспроизводства рабочей силы. Квалифицированная и высокооплачиваемая рабочая сила изменяет КЛ сообразно своим потребностям. Малооплачиваемые, социально исключенные, репрессируемые группы также создают КЛ, но пределы их влияния намного ниже. Митчелл отмечает, что потребности маргинализированных слоев в КЛ должны быть удовлетворены, «обозначены» в виде доступных им товаров и услуг. КЛ – необходимое условие для проявления классовых интересов и воспроизводства структуры общества. КЛ приобретает еще одну функцию – посредника в социальных конфликтах. Иными словами, функция КЛ для государственных и частных инвесторов – нести пространственные и социальные решения конфликтов классов производителей и потребителей. Аксиома подразумевает анализ социальной дифференциации, материальных потребностей, инфраструктуры, сферы услуг, ранжированный по «потребляющим» и «производящим группам.

Аксиома 3. Ни один ландшафт не локален.

КЛ имеет мало культурного и иного смысла, если изучается только в отношениях и связях со своим ближайшим окружением. Когда Митчелл заявляет, что ни один ландшафт не локален,

он подразумевает спектр масштабов – локальный дополняется региональным и глобальным. Корректная интерпретация КЛ возможна при обязательном включении всех трех взаимосвязанных ступеней иерархии контекстов. Чтобы диагностировать действие «нелокальных» факторов в конкретном КЛ, нужно выявить и «локализовать» принадлежность капитала, происхождение и качественные характеристики рабочей силы, собственность на средства производства, основные социальные группы, их функции и места в общественной иерархии, стандарты потребления.

Таким образом, задав вопросы, соответствует ли задача создания и поддержания КЛ местным возможностям, в состоянии ли локальные культурные, социальные, материальные и личностные ресурсы обеспечить функционирование КЛ, можно довольно быстро прийти к определенным выводам. Такой подход напоминает потоки «вещества и энергии» в работах по культурной экологии: своеобразная подбивка баланса, выявление, что возможно и невозможно в КЛ, какими силами и средствами. Согласно Д.Митчеллу, калифорнийский КЛ более тесно связан с мексиканскими ландшафтами, чем со своими пригородами [13]. Эта сильная связь может быть прослежена везде, где на фоне неразвитости инфраструктуры территории применяется труд мигрантов.

Аксиома 4. История имеет значение.

Функциональность КЛ всегда заключена в отношения воспроизводства и производства, которые развиваются в историческом контексте. Митчелл фокусируется на истории капитализации дешевой рабочей силы, «отпечатанной» в КЛ и обуславливающей модели землепользования и землевладения. КЛ, как конфигурация объектов, «в каждый момент времени создает структуру, в которую, либо в борьбу с которой будут вкладываться новые инвестиции. Ландшафт в любой момент времени формируется текущим состоянием технологии, он чувствителен к инновациям, повседневной истории. Жизненные условия, мириады событий и практик рутины, экстраординарные события – катаклизмы отражаются в нем и формируют ландшафт. Внутри этого моря сложно увидеть, что ландшафт – не только поток, трансформация социальных отношений – но также – стазис, хранилище ценностей, которое можно разрушить огромной гуманитарной и экономической ценой [14, с. 41]. Преобразование ландшафта при капитализме Митчелл называет «креативной деструкцией», но разрушение не бывает легким – история людей сопротивляется капитализму. «Необходим бережный анализ диалектики изменения и стабильности в ландшафте, противоречий, которые вскрывает эта диалектика» [14, с. 42].

КЛ – хранилище индивидуальной и коллективной памяти, социальной идентичности. Имидж ландшафта может быть капитализирован, чтоб привлечь туристов. Позволить истории

«стать видимой» – значит, получить экономические и статусные дивиденды, поскольку «видимая» история удовлетворяет потребности идентификации. Эта аксиома рассматривает исторические репрезентации КЛ как результат борьбы классов и социальных групп за установление своих значений.

Аксиома 5. Ландшафт есть власть.

КЛ выражает власть тех, кто определяет значения и принимает решения о том, что и как будет существовать в данном ландшафте. Решения о землепользовании, инвестициях, строительстве, формирующие КЛ – действия власти.

«Чтобы прочесть ландшафт, требуется «беглость» владения символами и языками социальной власти. Это требует пристального внимания к тому, каким конкретным образом власть выражается в ландшафте. Нужно помнить, что ландшафт может выражать искажения истории – знаки сопротивления и подавления. Ландшафт выражает власть, которая диктует, что может и не может быть сделано. КЛ как материальная интеробъектная целостность, формирует индивидуальное и социальное поведение, практики и процессы. Так, строительство торговых центров не просто выражает культуру потребления, оно помогает производить и стимулирует именно этот тип культуры, открывая для него новые возможности. КЛ имеет власть натурализовать и делать видимым борющиеся конструкты, это сближает ландшафт и идеологию, причем КЛ – ее материальное воплощение: «Это власть в более широком смысле. Мы никогда не достигнем адекватного понимания ландшафта только в терминах значений или идентичности, даже в пределах концепции культурных сил. Чтобы понять ландшафт как власть, нужно уделить внимание форме и отношениям производства. Эти отношения интернализированы ландшафтом. Отношение к ландшафту как власти делает непригодными аксиомы Льюиса» [14, с. 42].

КЛ обладает эстетической властью. Эстетическое должно восприниматься внутри его социального контекста: выясняя, что «красиво» и «некрасиво» для определенных классов, мы получаем ответ на вопрос, какую цель преследуют стандарты красоты «долларовой истории» КЛ. Функциональность эстетического нуждается в прояснении: идеологическая сила эстетики могущественна, и нужно выяснить, в каком направлении и в чьих интересах она действует.

Аксиома 6. Ландшафт – это пространственная форма, которую принимает социальная справедливость. Нестабильность капиталистической экономики способствует порождению «кризисного ландшафта», который, в свою очередь, служит источником дальнейшей нестабильности. Митчелл выделяет прогностическую роль «кризисного» – нелепого и неэстетичного ландшафта, возникающего в период общественных трансформаций. Найдя эти условия, можно вы-

явить акторов, цели и функции КЛ. Иными словами, КЛ прогнозируется и конструируется под функции и цели, и когда возникает новая функция, старый КЛ подвергается ломке и преобразованию. В переходный период КЛ эклектичен, нестабилен, неэстетичен. «Антиэстетичность» КЛ означает нечто большее, чем его несоответствие канонам прекрасного, поскольку именно в таких ландшафтах находит выражение социальная справедливость (вернее, ее отсутствие).

Заключение

Мы рассмотрели два набора «аксиом прочтения ландшафта». Настолько ли, как это принято считать, существенны их противоречия и взаимная несовместимость? Чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся сопоставить находки П. Льюиса и Д. Митчелла. Льюиса начинает с того, что КЛ есть ключ к культуре, Митчелл считает КЛ ключом к пониманию капиталистического общества. Далее Льюис отмечает, что любая черта КЛ отражает культуру. И снова ему вторит Митчелл, полагая, что почти любая черта КЛ может отражать процессы функционирования капитализма, проясняя, как именно он «отпечатывается «в земле». Третья аксиома Льюиса, о сложности исследования КЛ неакадемическими методами, энергично оспариваемая Митчеллом, подразумевает чистое, лишённое предубеждений и снобизма восприятие, в том числе и обыденных, неэстетичных ландшафтов. Его оппонент также считает необходимым исследование «уродливых» КЛ, как несущих важное послание о социальном порядке, поскольку эстетика – классовая категория. Оба автора сходятся в значимости истории, но первый акцентирует культурное наследие, второй – наследие «замороженного» капитала. Значимость локального географического контекста присутствует в работах обоих авторов, но Льюис в 1979 г. подчеркивает силу локальности, а Митчелл, поскольку работа была написана в 2008 г. – преобразующее влияние и мощь глобального контекста. И наконец, неоспорима значимость природной среды и для осмысления культуры, и для понимания технико-экономической основы общества. Заключительная аксиома Льюиса о неясности значений КЛ также находит отклик в работе Митчелла, только угол зрения различен: если первый автор уделяет основное значение важности визуальной проверки спорных значений, то полемизирующий с ним второй для поиска значений капиталистического КЛ концентрируется на выявлении целей элит, поиске акторов и функций КЛ.

Таким образом, полемика носит довольно парадоксальный характер: оспаривая позицию Льюиса, Митчелл не расходится со своим оппонентом в существенных моментах. На поверхности мы получаем контраст и взаимное неприятие подходов, в глубине – совпадение основных паттернов понимания КЛ. Это свидетельствует о том, что и Льюисом, и Митчеллом действи-

тельно были найдены важные ключи интерпретации и анализа КЛ. Митчелл пишет: «Реально невозможно читать ландшафт в каком – либо удовлетворительном смысле.. Но можно анализировать, как он был произведен, историю его происхождения, каковы его функции, где находятся места, основные для производства как самого ландшафта, так и его значений. Все это позволит понять историю и траекторию ландшафта, открыть, как в нем действует власть, и понять, что ландшафт говорит о состоянии и возможности мира «здесь и сейчас». Чтение ландшафта (имеются в виду аксиомы Льюиса – М.Р.) может поднять важные вопросы, но не дает на них ответов... для поиска ответов нужна другая теория и методология для понимания того, что такое ландшафт и как он функционирует» [14, с. 47]. Напротив, по нашему мнению, гуманистически-географические аксиомы Льюиса не только ставят важные вопросы, но и значительно облегчают поиск ответов, которые может дать культура – небιологическая система, пронизывающая отношения людей, транслирующая мировоззрения, ценности, символы, значения. Политико-экономические аксиомы Митчелла – суть преломление тех же ключевых положений – о роли КЛ, методах его изучения, эстетике, географических и экологических контекстах, истории, сквозь линзу интеробъектных процессов. Труд, капитал, социальная справедливость, власть – основное смысловое поле работы Митчелла. Обесценивая культурно-географический подход Льюиса, Митчелл, тем не менее, не отказывается от термина «КЛ», как это сделал К. Олвиг, заменив КЛ на «политический ландшафт», понимаемый как сфера дискурса, баланс между материальным ландшафтом и его нематериальными значениями [15]. Это еще раз подтверждает эвристическую ценность термина «культурный ландшафт», его «растяжимость» и интегративный потенциал.

Фактически, подходы Льюиса и Митчелла представляют два разных языка, описывающие одни и те же явления и процессы.

Все многочисленные грани КЛ можно генерализовать и свести к четырем нередуцируемым друг к другу сферам реальности, в терминах К. Уилбера [21], «углам Космоса», или доменам: сознанию, культуре, объекту/поведению, системе объектов. Как было отмечено, все четыре домена несут свой вид истины, который в равной мере ценен и незаменим. Нормально, если в ходе развития научного направления, один из доменов опережает остальные, которые впоследствии наверстывают упущенное. Но если один их секторов пытается заменить другие и дать свои ответы на поставленные ими вопросы, это чревато методологическими осложнениями. В истории географии подобная ситуация складывалась неоднократно, достаточно вспомнить географический детерминизм, сводящий все аспекты развития человеческого пространства к воздействию среды, или пространственный анализ, превращающий людей в по-

добие рациональных роботов. Аксиомы Льюиса могут поднять важные вопросы о культуре в ландшафте, но и ответы на них должны быть получены в домене культуры, также как аксиомы Митчелла ставят проблемы функциональности КЛ, и решать их нужно с помощью социально-системной парадигмы. Каждый набор аксиом незаменим на своем месте.

В то же время, принципы исследования КЛ в доменах сознания и объектной среды пока разрознены и представлены недостаточно полно. Они могут быть сформулированы для субъектного сектора на основе концепций гуманистической географии – понятия об опыте чувства места, пространственно временных ритмов в опыте личности, обживания (dwelling) ландшафта. Для объектного сектора могут представлять интерес категории К. Линча [2] и концепты поведенческой географии [1].

Вопрос востребованности принципов, ключевых положений, или «аксиом» исследования КЛ отечественной науке определяется двумя взаимосвязанными факторами: состоянием общества, прошедшего (и проходящего) через узкие врата радикальной трансформации, когда человек и ландшафт оказались в открытом море рыночных отношений. Все эти изменения практически не осмысливаются российской культурной географией в смысле политико-экономических, функциональных аспектов. Исключением среди культургеографов является В.Л. Каганский, отметивший появление в КЛ зоны Внутренней Периферии, для которой характерно снижение освоенности и ренатурализация ландшафта [3]. Логично, что отечественные исследования КЛ центрированы на культуре. Однако КЛ, как интегральная категория, имеет не культурные, предметные, системные и личностно-значимые грани. Поэтому требуется методология, адекватная сложности исследуемого объекта. Запечатленные в российском пространстве проблемы моногородов, диспропорций между городом и селом, иностранных трудовых мигрантов, капитала, «замороженного» в ландшафте при советской власти, и так и не «размороженного» в условиях наступившего капитализма, борьбы региональных элит, социальной справедливости, культурной диффузии и конвергенции, стандартов общества потребления, и многие другие требуют новых подходов к КЛ. В этой ситуации оба набора «аксиом» исследования КЛ могут стать «источником вдохновения» для российской географии и стимулировать дальнейшие теоретические поиски.

Список литературы

1. Голд Д. Психология и география. Основы поведенческой географии.[Пер. с англ]. – М.: Прогресс, 1990. 304 с.

2. Линч К. Образ города. [Пер. с англ]. – М.: Строиздат, 1982. 328 с.
3. Каганский В.Л. Пространственные закономерности культурного ландшафта современной России: Автореф. дис... канд. геогр. наук. – М., 2012. 30 с.
4. Рагулина М.В. Политико-экономические подходы в зарубежных исследованиях культурного ландшафта // Интернет-журнал «Науковедение». 2012. № 3 (12) [Электронный ресурс]. – М., 2012. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/sbornik12/12-1.pdf>, свободный – Загл. с экрана.
5. Barrell J. The Dark Side of Landscape: The Rural Poor in English Painting, 1730-1840. – Cambridge University Press, Cambridge, 1980.
6. Beck D., Cowan K. Spiral Dynamics: mastering values, leadership and change. Blackwell Business, 1996.
7. Buttner A. Grasping the dynamism of life world // Annals of the Association of American Geographers. 1976. Vol. 66. Pp. 277-292.
8. Czepczynski M. Cultural Landscapes of Post-Socialist Cities: Representation of Powers and Needs. – Abingdon, Oxon, GBR: Ashgate Publishing Limited, 2008.
9. Cosgrove D. Social Formation and Symbolic Landscape. Croom Helm. – London. 1984.
10. Daniels S. Marxism, culture, and the duplicity of landscape. In Peet R and Thrift N (eds) New Models in Geography. Vol. 2. Unwin Hyman. – London. 1989. Pp. 196-220.
11. Harvey, D. The limits to capital. – Oxford: Blackwell. 1982.
12. Lewis, P. Axioms for reading the landscape: some guides to the American scene. In Meinig D (ed) The Interpretation of Ordinary Landscape: Geographical Essays. Oxford University Press. – New York, 1979. Pp 11-32.
13. Mitchell D. The Lie of the Land: Migrant Workers and the California Landscape. University of Minnesota Press, Minneapolis, MN. 1996.
14. Mitchell, D. New axioms for reading the landscape: paying attention to political economy and social justice / J.L. Wescoat, Jr. and D.M. Johnston (eds.), Political Economies of Landscape Change. Springer 2008. P. 29-50.
15. Olwig K. Nature's Ideological Landscape. Allen & Unwin. – London, 1984.
16. Olwig K. Representation and alienation in the political landscape. Cultural Geographies. 2005. Vol. 12. P. 19-40.
17. Sack, R. Conceptions of Space in Social Thought. – London: Macmillan, 1980.
18. Sauer C.O. The morphology of landscape. – University California Publ.: Geography. 1925. № 2. Pp. 19-53. Reprinted in: Human geography. An essential anthology. Blackwell publishing, UK, Oxford, 1996. Pp. 296-315.

19. Schein R.H. The Place of Landscape: A Conceptual Framework for Interpreting an American Scene. // *Annals of the Association of American Geographers*. 1997. Vol. 87. № 4. Pp. 660-680.
20. Tuan Y-Fu. Humanistic geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66. №3. Pp. 266-276.
21. Wilber, K. Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL // *AQAL Journal*. 2006. Vol. 1. № 1. Pp. 3-69.

References

1. Gold D. Psihologija i geografija. Osnovy povedencheskoj geografii. [Psychology and Geography. Foundations of Behavioural geography]. – M.: Progress, 1990. 304 p.
2. Linch K. Obraz goroda. [The Image of the City.]. – M.: Stroizdat, 1982. 328 p.
3. Kaganskij V.L. Prostranstvennye zakonomernosti kul'turnogo landshafta sovremennoj Rossii: [Spatial Dimensions of Contemporary Russian Cultural Landscape] Avtoref. dis... . kand. geogr. nauk. – M., 2012. 30 p.
4. Ragulina M.V. Politiko-jekonomicheskie podhody v zarubezhnyh issledovanijah kul'turnogo landshafta [Political – Economic Approaches of Foreign Cultural Landscape Studies] // <http://naukovedenie.ru/sbornik12/12-1.pdf>, (accessed August 2014).
5. Barrell J. The Dark Side of Landscape: The Rural Poor in English Painting, 1730-1840. – Cambridge University Press, Cambridge, 1980.
6. Beck D., Cowan K. Spiral Dynamics: mastering values, leadership and change. Blackwell Business, 1996.
7. Buttimer A. Grasping the dynamism of life world // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66. Pp. 277-292.
8. Czepczynski M. Cultural Landscapes of Post-Socialist Cities: Representation of Powers and Needs. – Abingdon, Oxon, GBR: Ashgate Publishing Limited, 2008.
9. Cosgrove D. Social Formation and Symbolic Landscape. Croom Helm. – London. 1984.
10. Daniels S. Marxism, culture, and the duplicity of landscape. In Peet R and Thrift N (eds) *New Models in Geography*. Vol. 2. Unwin Hyman. – London. 1989. Pp. 196-220.
11. Harvey, D. The limits to capital. – Oxford: Blackwell. 1982.
12. Lewis, P. Axioms for reading the landscape: some guides to the American scene. In Meinig D (ed) *The Interpretation of Ordinary Landscape: Geographical Essays*. Oxford University Press. – New York, 1979. Pp 11-32.

13. Mitchell D. The Lie of the Land: Migrant Workers and the California Landscape. University of Minnesota Press, Minneapolis, MN. 1996.
14. Mitchell, D. New axioms for reading the landscape: paying attention to political economy and social justice / J.L. Wescoat, Jr. and D.M. Johnston (eds.), Political Economies of Landscape Change. Springer 2008. P. 29-50.
15. Olwig K. Nature's Ideological Landscape. Allen & Unwin. – London, 1984.
16. Olwig K. Representation and alienation in the political landscape. Cultural Geographies. 2005. Vol. 12. Pp. 19-40.
17. Sack, R. Conceptions of Space in Social Thought. – London: Macmillan, 1980.
18. Sauer C.O. The morphology of landscape. – University California Publ.: Geography. 1925. № 2. Pp. 19-53. Reprinted in: Human geography. An essential anthology. Blackwell publishing, UK, Oxford, 1996. Pp. 296-315.
19. Schein R.H. The Place of Landscape: A Conceptual Framework for Interpreting an American Scene. // Annals of the Association of American Geographers. 1997. Vol. 87. № 4. Pp. 660-680.
20. Tuan Y-Fu. Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers. 1976. Vol. 66. №3. Pp. 266-276.
21. Wilber, K. Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL // AQAL Journal. 2006. Vol. 1. № 1. Pp. 3-69.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Рагулина Милана Владимировна, ведущий научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии, доктор географических наук

*Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук
ул. Уланбаторская, 1, г. Иркутск, 664033, Россия*

e-mail: milanara@yandex.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 4462-5245

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ragulina Milana Vladimirovna, Leading Research Officer, Laboratory of Resource Management and Political geography, Dr.Sc. (Geography)

*Institute of Geography SB RAS,
1, Ulanbatorskaya str., Irkutsk, 664033, Russia
e-mail: milanara@yandex.ru*

Рецензент:

Корытный Леонид Маркусович, доктор географических наук, профессор, заместитель
директора по науке ФГБУН Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН